

ПАМЯТИ ДАВИДА ЯКОВЛЕВИЧА ДАРА

16 сентября 1980 года в Иерусалиме скончался

ДАВИД ЯКОВЛЕВИЧ ДАР

Стоит ли вспоминать о Даре лишь потому, что он умер? Если стоит, то не из-за этого. "Все мы любили его." Но еще больше мы любили себя. Каждый помнит те стихи и ту прозу, какие ему приносили. Хуже мы помним, что писал, что любил, о чем думал он сам. Редко, случайно проговаривался Дар о себе. По этим крохам /подчас анекдотам/ открывалась не столь уж гладкая жизнь. Ему был не чужд авантюризм /это ему-то, кому не хамили лишь самый хеппивый продавец или чиновник!/, в 33-м году с группой самых известных писателей и журналистов он посетил стройку Беломорканала /...../, в войну он был смертельно ранен на "невском пятачке", но выжил; исколесил на мотоцикле всю страну, выскикивал в больнице у изголовья Пастернака /"Нет, не считайте меня гением, — отвечал поэт, — гений шаблон, усредненность"/, к нему приезжали Э. Колдуэлл, Р. Фрост, Н. Саррот /"Колдуэлл хвастался женой-индейкой, Фрост много ел, Саррот — отличная, умная баба, хоть я баб не терплю"/. Его дзлюбленный жанр — жанр монолог, а письма /сколько их! где они?/. Сократ без собеседников, без Платона, даже без Ксенофонта. Единственный постоянный некролог он написал себе сам, много лет назад, им открываются его "Маленькие заветования": "Речь, которую я хотел бы произнести у своего гроба? И не нужно слюняйства, охов и ахов, он первый бы посмеялся над нами. "Стариков нужно душить, пока они еще молодые!" Это был веселый и счастливый старик. Старик — дрожжевик. Некоторые его произведения ходят сейчас по улицам Ленинграда: одни стали "нетленкой" /выражение Дара/, другие надеются стать, третьи отмежевались от автора и теперь, проявляя симпатию к трупу, открывают крокодилий слезариум. А не пора ли душить и вас, господа?..

В.Л.

.....
- Здравствуй, Дед!..

Иногда, Вы позволяете мне такую фамильярность, и только немножко обиженное насморочное "Да-да" в ответ, а в глазах: "Ах, негодяй!"

Я встречаю вас на пути в наши гости. Вам трудно, очень трудно дышать. Трубка отмахивает ритм восхождения по выпуклой лестнице. Упершись в вишнево-плащевую спину, я толкаю и толкаю вверх своего д о с е н т я б р ь с к о - г о Деда. Дверь распаивается.

- Здравствуйте, Давид Яковлевич!

Сузаясь в улыбке раскосые, монголо-семитские глаза, и Вы кланяетесь и кланяетесь, как китайский болванчик.

.....
Завтра сентябрь...

Через некоторое, до услужливости короткое время, мне скажут, что Вас не стало. Но еще быстрее я соображу, что эти люди лгут. Кого угодно я помещу в гроб, но только не Вас. /"Проходите, садитесь. Можете курить в комнате". А в гробу?.. Но вы не сможете в нем уместиться! Вы не сумеете спать нигде, кроме своего прокуренного дивана/.

Ваше лицо смеется, морщится, заходится классическим кашлем, рука пытается вынуть трубку изо рта, но не тут-то было, и не могло быть - ни тут, ни там.

.....
- Ну, старик, ну, умер, ну и что?

Но не умер же, как это делают все!

.....
А Вы взяли и сделали. Представляю: Вам пришла в голову блажь умереть, Вы покрихтели, закурили трубку, покашливали, покачали своей патлатой головой: "Ах, ах, какой я уже неинтересный", - и пошли - тросточка /для большого эпатажу/, эрдель-борода и маленькая венозная ручка, готовая утешить любую пылающую голову и сложить кукиш любому

не в меру пылкому критику.

- Дед, а не выпить ли нам?

- Где? - испуганно и в то же время согласно тарашатся на меня тысячелетней пробы глаза. И белки гуляют, а черноты влажно искрятся. - Выпьем! Да... где? а? что? В парадном? А нас не заберут?

И от этого еще праздничнее и пьянее коньяк и смешнее Дед. Зажжена вечная /пятидесятая/ зажигалка над трубкой, которая вылеплена с натуры, с его уникального носа.

- Вы смеетесь, Дед?

.....

ДЕД - это мое: Давид Яковлевич Дар. Он состряпал себе псевдоним, я - Деда. Когда я преподнес ему этот подарок, он неожиданно обиделся.

- Какой я тебе дед? Мне своих внуков хватает.

Я понял - ему хочется быть сильным и всеобъемлющим, а не одним из актеров театра Маразма, каких он и в себе и в других ненавидел и над которыми ~~издаиваниями~~ всегда умел поиздеваться. Но в следующую нашу встречу, на этот раз заочную, в одном из своих писем он сдался: "Дед - так дед. Но только дед-ученик. Ученик, а не учитель."

Как много нас, его учителей! И найдется ли хоть один, кто успел одарить своего ученика всем, что имел и чего тот был достоин?..

.....

И вот - маска, смерть, гроб, покойник.

То, что не может свершиться ни в одном году.

Это никогда не свершится. И если предположить, что Давид Яковлевич пьет сейчас свой "чифир", свой коньяк или, на худой конец, херес с кем-нибудь из своих друзей, встретив его радостным: "Ах, негодяй!" - то и тогда он только лишь пьет, только лишь смеется, он только лишь умер.

Для других.

В. Холоденко